

ДИСКУССИЯ О ПРОБЛЕМЕ ПРИНУЖДЕНИЯ: Г. ГУФЕЛАНД И И. КАНТ

П. В. Стуковнина¹

Проблема принуждения, поставленная в рамках теории естественного права в Германии конца XVIII в., раскрывается в статье на примере полемики между Г. Гуфеландом и И. Кантом. В «Опыте о принципе естественного права» (1785) и первом издании учебника «Положения естественного права и связанных с ним наук» (1790) Гуфеланд выводит право из морального требования — обязанности содействовать совершенству (Vollkommenheit) всех разумных существ, что предполагает легитимность принуждения как средства для его реализации. Такой подход развивается на фоне традиции, представленной Г. Ахенвалем и Э. Ф. Кляйном, с трудами которых Гуфеланд был знаком и позиции которых либо критически анализирует и подвергает сомнению, либо использует в качестве примера для подтверждения собственных мыслей. Учение Ахенвала опирается на теологическое основание, тогда как позиция Кляйна довольно близка к кантовской. Сам же Кант, хотя открыто и не критикует естественно-правовую систему Гуфеланда, которая, несмотря на декларируемую ее автором приверженность кантианству, вступала в противоречие с ключевыми положениями кёнигсбергского философа, в своем учении рассматривает проблему принуждения совершенно иначе. Во втором издании учебника «Положения естественного права...» (1795) Гуфеланд переосмысливает свою концепцию, что приводит к заметным изменениям в его понимании как основания естественного права, так и функции принуждения, свидетельствующим о влиянии кантовских взглядов на его позицию. Дискуссия между Гуфеландом и Кантом, в свою очередь, способствовала оформлению кантовской теории права в «Метафизике нравов» (1797).

Ключевые слова: естественное право, принуждение, Billigkeit, Готтлиб Гуфеланд, Кант, Эрнст Фердинанд Кляйн, Ахенваль

¹ Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Россия, 125993, Москва, ул. Миусская, д. 6.
Поступила в редакцию: 06.02.2026 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-2-3

DISCUSSION ON THE PROBLEM OF COERCION: GOTTLIEB HUFELAND AND IMMANUEL KANT

P. V. Stukovnina¹

The problem of coercion, raised as part of the theory of natural right in Germany in the late eighteenth century, is discussed with particular reference to the polemic between Gottlieb Hufeland and Immanuel Kant. In his Essay on the Principle of Natural Right (1785) and the first edition of the Principles of Natural Right and Related Sciences (1790) Hufeland derives right from the moral imperative, the duty to contribute to the perfection (Vollkommenheit) of all intelligent creatures. This is premised on the legitimacy of coercion as a means to achieve that goal. This approach is developed against the background of the tradition represented by Gottfried Achenwall and Ernst Ferdinand Klein with whose works Hufeland was familiar and whose positions he either criticised and called into question or used to bolster his own arguments. Achenwall's teaching has a theological basis while Klein's position gravitates toward Kantianism. Kant himself, though he does not openly criticise Hufeland's natural law system which, in spite of its author's professed adherence to Kantianism, contradicts the key Kantian ideas, takes a very different view of the problem of coercion. In the second edition of his textbook, The Principles of Natural Right (1795), Hufeland revises his concept to make noticeable changes to his grounding of natural law and the function of coercion, which attests to Kant's influence on his position. The discussion between Hufeland and Kant, in turn, contributed to the shaping of Kant's theory of right in the Metaphysics of Morals (1797).

Keywords: natural right, coercion, Billigkeit, Gottlieb Hufeland, Kant, Ernst Ferdinand Klein, Achenwall

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 06.02.2026.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-2-3

Эпоха Нового времени стала временем расцвета естественного права, характеризовавшегося многообразием концепций, среди которых можно выделить и некоторые классические варианты естественно-правовых систем, в частности Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа. Не последнее место в этом ряду занимает и учение И. Канта, который, несмотря на обилие работ, посвященных этой дисциплине во второй половине XVIII в., вступает в обсуждение и полемику лишь с некоторыми авторами. Одним из собеседников Канта был сейчас почти забытый Готлиб Гуфеланд (1760–1817) — юрист, доктор философии и права, преподававший в разное время естественное, римское, немецкое частное и публичное право в Йене, Вюрцбурге, Ландсхуте и Галле (см.: Eisenhart, 1881), автор ряда трудов по праву и экономике, с 1788 по 1800 г. редактор «Allgemeine Literatur-Zeitung» (см.: Pietsch, 2012, S. 70). Кант и Гуфеланд состояли в переписке, а на первую книгу Гуфеланда «Опыт о принципе естественного права» (1785) Кант даже написал рецензию, что является редким и любопытным случаем подобного рода его взаимодействия с современниками, размышлявшими над вопросами естественного права. Изучение этого эпизода позволяет точнее прояснить понимание права Кантом, а также некоторые принципиальные вопросы естественного права, вызывавшие полемику в XVIII в., но имеющие значение и для восприятия права в XXI в. Хотя Гуфеланд неоднократно отмечает, что его труды написаны в соответствии с кантовскими принципами, в его системе обнаруживаются существенные расхождения с системой Канта, в частности в понимании принуждения.

1. Общие положения естественного права Гуфеланда

Гуфеланд с горечью отмечал, что право как наука, обладающая особой значимостью, испытывает трудности уже в начальных определени-

The Modern Age saw the flourishing of natural law ideas, producing a variety of conceptions, some of which have become classic natural law systems, notably those of Hugo Grotius, Thomas Hobbes and Samuel Pufendorf. Kant, too, is a notable presence in this discourse. Of the plethora of works devoted to this theme in the second half of the eighteenth century, Kant engaged in discussion and polemic only with some authors. One of them is the now all but forgotten Gottlieb Hufeland (1760–1817), a jurist, doctor of philosophy and law who at various periods taught natural, Roman, German private and public law at Jena, Würzburg, Landshut and Halle (see Eisenhart, 1881), author of works on law and economics, and editor of “Allgemeine Literatur-Zeitung” in 1788–1800 (see Pietsch, 2012, p. 70). Kant and Hufeland corresponded and Kant even wrote a review of Hufeland’s first book *Essay on the Principle of Natural Right* (1785), a rare and curious occasion in his interaction with other thinkers on natural law. This episode offers insights into Kant’s views on law as well as into some fundamental issues of natural law which were subjects of polemics in the eighteenth century, but are also relevant to the perception of law in the twenty-first century. Although Hufeland repeatedly professed adherence to the Kantian principles, his system reveals important differences from the Kantian system, including the concept of coercion.

1. Hufeland’s General Principles of Natural Right

Hufeland lamented the fact that such an important science as right from the very start encountered difficulties with the basic definitions. The trouble is that in German “right” can be both a noun (*Recht*) and an adjective (*recht*). This leads to

ях. Сложность состоит в том, что слово «право» представлено в немецком языке одновременно существительным (Recht) и прилагательным (recht). Такая языковая особенность порождает путаницу в научной дискуссии, особенно когда авторы смешивают эти два значения (Hufeland, 1785, S. 30). Если в обычной жизни такое смешение приемлемо, то в философском дискурсе необходимо четкое различие понятий. Свою позицию Гуфеланд обосновывает ссылкой на «Критику чистого разума»: «...понятие *права*, которым пользуется здравый рассудок, вполне совпадает с тем, что может развить из него самая утонченная спекуляция...» (A 43 / B 61; Кант, 2006, с. 121), отмечая правоту Канта и необходимость устранения любого произвольно навязанного значения этого слова.

Право для Гуфеланда — это действие (Handlung), возможность совершения которого не запрещена никакой обязанностью. Он подчеркивает, что уже было предпринято множество попыток классификации прав, но большинство из них зачастую ошибочны. Вместо неудачных, по его мнению, вариантов он предлагает собственный: делить права на принудительные и непринудительные. Именно принудительные права (Zwangsrechte / jus cogens) являются предметом естественного права, то есть науки, изучающей принудительные права человека в естественном состоянии (Hufeland, 1790, S. 4–5 (§ 6–8)).

Задачу естественного права Гуфеланд, ссылаясь на работу Эрнста Фердинанда Кляйна (Klein, 1789), усматривает в обосновании легитимности принуждения, которое следует считать независимым от физической возможности его осуществления. Естественное право необходимо для того, чтобы судить о правах людей в государстве, так как права человека в естественном состоянии оказывают влияние на права после учреждения государств.

В XVIII в. в философской традиции устоялось убеждение, согласно которому неудачи в

confusion in scientific discourse, especially when authors fail to distinguish these two meanings (Hufeland, 1785, p. 30), which may be acceptable in ordinary life, but not in philosophical discourse. Hufeland quotes the *Critique of Pure Reason* to make his point: “[...] the concept of right that is used by the healthy understanding contains the very same things that the most subtle speculation can evolve out of it [...]” (KrV, A 43 / B 61; Kant, 1998, pp. 168-169), agreeing with Kant and noting the need to eliminate any arbitrarily imposed meanings of the word.

For Hufeland law is action (*Handlung*), the possibility of which cannot be precluded by any obligation. He stresses that many attempts to classify rights have been made, but most of them are often erroneous. He proposes his own solution: to divide rights into coercive and non-coercive. It is coercive rights (*Zwangsrechte* / *jus cogens*) that are the subject of natural law, i.e. the science of coercive human rights that are imperative in the natural state (Hufeland, 1790, pp. 4-5 (§ 6-8)).

Hufeland, citing the work of Ernst Ferdinand Klein (1789), sees the task of natural law in legitimising coercion which should be deemed to be independent of the physical possibility of administering it. Natural law is needed to judge upon the rights of people within a state since human rights in the natural state influence rights after the institutionalisation of states.

In the eighteenth-century philosophical tradition failure to build a theory of natural law was attributed to the misunderstanding of the natural state (see Klippel, 2000, p. 80). Natural law thinking challenged the old definition of the natural state of man, considering the attempt to derive from it the natural law of the natural human being to be “a futile undertaking”² (Klippel, 1987, p. 77).

² Cf. “ein zweckloses Unternehmen”.

построении теории естественного права были обусловлены некорректным пониманием естественного состояния (см.: Klippel, 2000, S. 80). Естественно-правовая мысль стала выступать против старой концепции естественного состояния, так как выводить из него естественное право естественного человека — «бесцельное предприятие» (Klippel, 1987, S. 77). Гуфеланд трактует естественное право как гипотетическую конструкцию, необходимую для научного анализа: «...нам необходимо в науке о естественном праве иметь двоякое представление о естественном состоянии: одно, которое рассматривает человека таким, каким он должен быть, и другое, которое основано на опыте и показывает, каков человек на самом деле» (Hufeland, 1785, S. 191). Такое раздвоение позволяет Гуфеланду вывести две функции естественного состояния: первая обосновывает необходимость государства, вторая определяет права человека до вступления в общество (см.: Klippel, 2000, S. 82). Эти функции играют важную роль в его системе, поскольку нельзя «ничего сказать о правах человека в обществе, если не знаем, какие права были до него» (Hufeland, 1785, S. 192). В итоге Гуфеланд по-новому определяет границы и содержание естественного права: оно вовсе не предназначено для «дикарей» (Wilden), а адресовано тем, кто уже живет в организованном обществе (Ibid.).

Гуфеланд формулирует в приложении к «Опыту...» ряд вопросов, на которые естественное право должно дать ответ. Центральное место среди них занимает вопрос: «Что государство может и что не может изменять в естественном праве отдельных граждан?» Чтобы ответить на него, нужно, в свою очередь, ответить на три других: что в естественных правах отдельных граждан изменяет вступление в государство? что государство может изменить в этих правах? что государство должно изменить в них? Решение этих вопросов должно стать предметом особой науки, которая призвана на-

Hufeland (1785, p. 191) interprets natural law as a hypothetical construct required for scientific analysis: “In the science of natural law we need a dual notion of the natural state: one that considers human being as he ought to be, and the other based on experience and showing human being as he is in reality”³. This dichotomy enables Hufeland to derive two functions of the natural state, the first justifying the need for the state and the second defining the human being’s rights before he/she enters society (see Klippel, 2000, p. 82). These functions play an important role in his system because we “cannot say anything about the rights of human being in society unless we know what rights he had before society”⁴ (Hufeland, 1785, p. 192). Hufeland redefines the boundaries and content of natural law: it is not intended for “savages” (Wilden), being addressed to those who already live in an organised society (ibid.).

In a supplement to his *Essay* Hufeland formulates a number of questions which the natural law must answer. The central question is: “What the state can and what it cannot change in the natural state of individual citizens?” To answer this question three others need to be answered: What changes does entering the state bring to the natural rights of individual citizens? What can the state change in these rights? and What must the state change in them? The answer to these questions should be the subject of a special science called upon to fill the gap between the natural and positive law and “bring natural law as close to the state as possible on purely rational grounds regardless of empirical experience”⁵ (ibid., p. 290).

³ Cf. “Wir brauchen in den Naturrechtswissenschaften einen doppelten Stand der Natur: einen, welcher den Menschen betrachtet, wie er seyn soll, und den andern, welcher auf Erfahrung gebaut ist, und zeigt, wie der Mensch ist.”

⁴ Cf. “[...] nichts über Rechte des Menschen in der Gesellschaft bestimmen, wenn wir nicht wissen, was für Rechte er vor der Gesellschaft hatte.”

⁵ Cf. “[...] das Naturrecht dem Staate so nahe gebracht, als es aus reinvernünftigen Gründen, ohne Rücksicht auf experimentierende Erfahrung.”

глядно заполнить пробел между естественным и позитивным правом и «приблизить естественное право к государству настолько, насколько это возможно на основе чисто рациональных оснований, без учета эмпирического опыта» (Ibid., S. 290).

2. Принцип естественного права и его связь с принуждением у Г. Гуфеланда

Для немецкой философской традиции XVIII в. была актуальной проблема соотношения естественного права и морали. Попытки разграничить эти сферы обусловили поиск основания науки о естественном праве — тако- го основания, из которого можно было бы вывести все ее содержание (см.: Klippel, 2000). В «Опыте...» (1785) и в первом издании учебника «Положения естественного права и связанных с ним наук» (1790) Гуфеланд ставит перед собой задачу выявления такого принципа, который позволил бы избежать недостатков предшествующих систем. По его оценке, учения предшественников напоминали «готические здания» (Hufeland, 1785, S. 1), чья устойчивость зависела от временных подпорок вследствие отсутствия прочного фундамента.

Гуфеланд считает, что основание науки о естественном праве должно быть одновременно истинным, философским, моральным и ориентированным на принудительные нормы — лишь при выполнении всех этих условий дисциплина может претендовать на статус науки (Ibid., S. 56). В качестве искомого принципа он выдвигает обязанность² «содействовать совершенству всех чувствующих существ, особенно разумных» (Ibid., S. 243) — требование, которое считает прямым следствием зако-

² Хотя может показаться, что обязанности, связанные с моралью, и обязанности, связанные с правом, относятся к разным сферам, на самом деле и те и другие, по мысли Гуфеланда, принадлежат морали (Hufeland, 1785, S. 29).

2. The Principle of Natural Right and Its Connection with Coercion According to Hufeland

The relation between natural right and morality engaged the minds of German philosophes in the eighteenth century. Attempts to differentiate these spheres prompted the search for a grounding of the science of natural right from which all its content could be derived (see Klippel, 2000). In the *Essay* (1785) and in the first edition of the textbook *The Principles of Natural Right and Related Sciences* (1790) Hufeland sets out to reveal the principle that would be free of the shortcomings of the previous systems. In his opinion, the doctrines of previous scholars were reminiscent of “Gothic buildings”⁶ (Hufeland, 1785, p. 1) sustained by makeshift props in the absence of a solid foundation.

Hufeland believed that the foundation of the science of natural law had to be simultaneously true, philosophical, moral and oriented toward coercive norms if it could claim the status of a science (*ibid.*, p. 56). As the coveted principle he puts forward the duty⁷ “to contribute to the perfection of all the sensible creatures, especially intelligent ones”⁸ (*ibid.*, p. 243), the demand he considered to flow from the moral law, since he thought that the perfection of intelligent creatures is the general goal of morality (*ibid.*, p. 242).

Because perfection (*Vollkommenheit*), according to Hufeland, is the supreme moral good its protection calls for external interference, but the right of coercion (*Zwang*) is only legitimate as a means of eliminating

⁶ Cf. “gothischen Gebäude.”

⁷ Although the duties connected with morality and the duties connected with law may seem to belong to different spheres in reality both, according to Hufeland (1785, p. 29), belong to the sphere of morality.

⁸ Cf. “Befördere die Vollkommenheit aller empfindenden, vorzüglich der vernünftigen, Wesen.”

на морали, так как полагает, что совершенство разумных существ является общей целью морали (Ibid., S. 242).

Поскольку совершенство (Vollkommenheit) понимается Гуфеландом как высшее моральное благо, его защита, по мнению философа, требует внешнего вмешательства, но право принуждения (Zwang) легитимно лишь как средство устранения препятствий на пути к совершенству при соблюдении требований морали (см.: Moggach, 2009, p. 1010). Таким образом, мораль предписывает человеку обязанность совершенствоваться, а естественное право предоставляет для этого инструмент в виде принуждения. Однако эта взаимозависимость морали и права фактически стирает границу между ними, несмотря на декларируемое Гуфеландом намерение разделить две сферы (см.: Hufeland, 1785, S. 28). Эта концепция вступает также в прямое противоречие с кантовским учением, которое Гуфеланд, по иронии, сам же провозглашает собственным ориентиром.

Сразу после выхода «Опыта...» вокруг него развернулась оживленная дискуссия. В сентябре 1785 г. один из наиболее влиятельных кантианцев первой волны Христиан Готфрид Шютц (1747–1832), редактор «Allgemeine Literatur-Zeitung», сообщил Канту, что в сочинении Гуфеланда кантовские принципы «часто упоминаются с заслуженным признанием» (Schütz, 1922b), и предложил написать рецензию (см.: Schütz, 1922a). В октябре того же года Гуфеланд сам отправил Канту экземпляр собственного труда вместе с письмом, полным нескрываемого восхищения (см.: Hufeland, 1922). Примечательно, что, несмотря на тематику книги, в письме он не затронул вопросы естественного права, обратившись исключительно к кантовской моральной философии — области, вызывавшей у него, по-видимому, особый интерес. Частично это объясняется тем обстоятельством, что систематических работ Канта по праву к тому моменту опубликовано еще не было, зато только

the obstacles on the way to perfection if the norms of morality are observed (see Moggach, 2009, p. 1010). Thus, morality demands that the human being seek perfection, while natural law offers an instrument for this in the shape of coercion. But the interdependence of morality and law effectively erases the boundary between them in spite of Hufeland's declared intention to separate these two spheres (see Hufeland, 1785, p. 28). This concept directly contradicts Kant's doctrine which, ironically, Hufeland claims to be his loadstar.

The publication of the *Essay* triggered a lively discussion. In September 1785 Christian Gottfried Schutz, an influential Kantian of the first wave (1747–1832), editor of the “Allgemeine Literatur-Zeitung”, apprised Kant that Hufeland “frequently mentions Kantian principles with due recognition”⁹ (Schütz, 1922b), and would he write a review (see Schütz, 1922a). In October of that same year Hufeland sent Kant a copy of his own work together with a letter oozing admiration (see Hufeland, 1922). It should be noted that in spite of the theme of the book, the letter does not touch upon the questions of natural law and is devoted exclusively to Kant's moral philosophy, apparently the area of his special interest. Part of the reason for this is that at that time Kant had not yet published any systematic works on right but, instead, he had just published *Groundwork for the Metaphysics of Morals* (1785), one of his most brilliant pieces on ethics. Thus, Hufeland was one of the first of many German thinkers who tried to develop Kant's teaching on law before the creator of critical philosophy himself (see Krouglov, 2025). The reply letter from Kant, in which he expressed hope that the elements of the Kantian system that were unclear to Hufeland would be cleared up when Kant's

⁹ Cf. “[...] werden Ihre Principien oft mit gebührendem Ruhme angeführt.”

что увидело свет одно из его самых ярких произведений по этике — «Основоположение к метафизике нравов» (1785). Тем самым, Гуфеланд явился одним из первых немецких мыслителей в многочисленной череде тех, кто попытался развить кантианское учение о праве еще до самого творца критической философии (см.: Круглов, 2025). Ответное письмо Канта, в котором кёнигсбергский философ выразил надежду, что все неясные для Гуфеланда моменты его системы прояснятся, когда в свет выйдут новые его работы, последовало лишь 7 апреля 1786 г. (см.: AA 10, S. 443), то есть после публикации рецензии в 1785 г. (AA 08, S. 127–130).

Гуфеланд не ограничивает выражение своего благоговения перед Кантом только личной перепиской: подобные пассажи присутствуют и в его сочинениях, которые, как он подчеркивает, выстроены в кантианском духе. Так, «Критику чистого разума» он называет «забрезжившим светом» (Hufeland, 1785, S. 54), а ее автора — «великим человеком, первым высказавшим истину» (Ibid.), высоко оценивая проницательность его ума (Ibid., S. 169) и качество его сочинений (Ibid. S. 229). В восьмой главе «Опыта...», в которой Гуфеланд излагает ядро своей системы, он прямо признаёт свой интеллектуальный долг перед великим мыслителем, указывая, что чтение его последних сочинений, которыми для Гуфеланда на тот момент были первое издание «Критики чистого разума» (1781), «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и «Основоположение к метафизике нравов», кардинально изменило его философские взгляды. Вместе с тем он подчеркивает, что в соответствии с собственными размышлениями внес коррективы в кантовское учение.

Однако здесь возникают два фундаментальных расхождения между Кантом и Гуфеландом. Во-первых, уже в «Основоположении к метафизике нравов», с которым Гуфеланд, несомненно, был знаком, так как ссылается на него

new works saw the light of day, did not come until 7 April 1786 (see Br, AA 10, p. 443), i.e. after the publication of the review which came out in 1785 (*RezHufeland*, AA 08, pp. 127-130).

Hufeland does not confine his expression of deep respect for Kant to personal correspondence: similar passages are present in his other works which, as he stresses, are informed with the Kantian spirit. Thus, he refers to the *Critique of Pure Reason* as “a brilliant light breaking”¹⁰ (Hufeland, 1785, p. 54), and calls its author “a great man who was the first to formulate a truth”¹¹ (*ibid.*), praising his sharp mind (*ibid.*, p. 169) and the quality of his writings (*ibid.* p. 229). In chapter 8 of the *Essay*, in which Hufeland sets forth the nucleus of his system, he recognises his intellectual indebtedness to the thinker, noting that the reading of Kant’s latest works, which for Hufeland at the time were the first edition of the *Critique of Pure Reason* (1781), *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim* (1784) and *Groundwork for the Metaphysics of Morals*, had cardinally changed his philosophical views. But he stresses that he has introduced some adjustments to Kant’s doctrine in accordance with his own reflections.

This brings us to two fundamental divergences between Kant and Hufeland. First, already in *Groundwork for the Metaphysics of Morals* which Hufeland had certainly read since he cites it in his work, Kant places the principle of perfection in the section on “The Heteronomy of the Will as the Source of all Spurious Principles of Morality”, considering it unfit to be the foundation of morality (*cf.* GMS, AA 04, pp. 441-445; Kant, 2011, pp. 111-119). This idea is further developed in the *Critique of Practical Reason* (*cf.* KpV, AA 05, p. 33)¹² and assumes its final shape in the later

¹⁰ Cf. “[...] ein helles Licht aufgegangen.”

¹¹ Cf. “Der große Mann hat zuerst eine Wahrheit gesagt.”

¹² Hufeland was familiar with this work at the time he wrote his first textbook in 1790, as witnessed by references to this treatise which, however, again makes no difference to his position.

в своем сочинении, Кант помещает принцип совершенства в раздел «о гетерономии воли как источнике всех неподлинных принципов нравственности», считая его непригодным в качестве основания морали (см.: AA 04, S. 441–445; Кант, 1997б, с. 207–219). Эта идея получает дальнейшее развитие в «Критике практического разума» (см.: AA 05, S. 33; Кант, 1997а, с. 355–356)³ и окончательно оформляется в поздней «Метафизике нравов», где Кант прямо заявляет, что «противоречиво ставить себе целью *совершенство* другого и считать себя обязанным содействовать ему» (AA 06, S. 386; Кант, 2019, с. 37), поскольку совершенствование возможно лишь через внутреннее усилие самого человека. Неудивительно, что Кант выражает недоумение по поводу такого «своеобразия системы нашего автора» (AA 08, S. 128; Кант, 2009, с. 232), в которой обязанность содействия чужому совершенству становится не только основанием морали, но и обоснованием права принуждения.

Во-вторых, кантовское учение предполагает строгое разграничение естественного и гражданского состояний, имеющее прямые последствия для понимания принуждения. Для Канта в естественном состоянии применение принуждения невозможно, поскольку отсутствует публичная власть, наделенная правом применения силы. Хотя естественное право содержит нормы для оценки поведения (*diiudicatio*), оно лишено механизма исполнения (*executio*) (подробнее об этом см.: Крыштоп, 2024). Каждый руководствуется собственным суждением, и потому нет гарантированного способа защиты прав. Кант подчеркивает: «Моя воля не является для него [другого человека] законом, и я не могу принуждать его» (AA 27, S. 1338; Кант, 2024, S. 26). Именно поэтому человек должен стремиться к выходу из естественного состояния и объединению «со всеми остальными... в том,

Metaphysics of Morals in which he says that “it is a contradiction for me to make another’s perfection my end and consider myself under obligation to promote this” (MS, AA 06, p. 386; Kant, 1991, p. 191), because the act of perfecting is possible only through personal inner effort. No wonder Kant finds puzzling “what is most characteristic of our author’s system” (*RezHufeland*, AA 08, p. 128; Kant, 1996a, p. 116), in which the obligation to promote another’s perfection justifies not only morality but also the right to coerce.

Second, the Kantian system presupposes rigorous distinction between the natural and civil states which has direct consequences for the concept of coercion. According to Kant, the use of coercion is impossible in the natural state due to the absence of public power vested with the right to use force. Although natural law includes norms for assessing behaviour (*diiudicatio*), it has no execution mechanism (*executio*) (for more on this see Kryshstop, 2024). Each is guided by his own judgment, so that there is no guaranteed method of defending rights. Kant stresses: “my will is not a law for him and I cannot coerce him” (*V-NR/Feyerabend*, AA 27, p. 1338; Kant, 2016, p. 104). That is why one should strive to come out of the natural state and unite “with all others [...] subject oneself to a public lawful external coercion, and so enter into [...] a civil condition” (MS, AA 06, p. 312; Kant, 1991, p. 124), for coercion is only possible in a civil condition. In the *Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend* (1784–1785), which Hufeland could not have read, Kant introduces the special concept of justice (*Billigkeit*)¹³ as “ethical right” (*V-NR/Feyerabend*, AA 27, p. 1328; Kant, 2016, p. 92), which does not have external coercion. Here only inner self-coercion is at work (see MS, AA 06, p. 383): a person

³ Гуфеланд будет знаком и с этой работой на момент написания первого учебника 1790 г., о чем свидетельствуют ссылки на этот трактат, что, впрочем, опять никак не сказывается на его позиции.

¹³ There is no fixed Russian translating of the term *Billigkeit* because the word does not fully convey its meaning (see Kryshstop, 2016).

чтобы подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право принуждению, то есть вступить... в гражданское состояние» (AA 06, S. 312; Кант, 2014, с. 305), ведь только в гражданском состоянии принуждение становится возможным. В недоступных Гуфеланду лекциях «Естественное право Файерабенд» (1784–1785) Кант вводит понятие особого рода справедливости (*Billigkeit*)⁴ как «этического права» (AA 27, S. 1328; Кант, 2016б, с. 61), лишённого внешнего принуждения. Здесь действует только внутреннее самопринуждение (см.: AA 06, S. 383; Кант, 2019, с. 31): человек может быть обязан поступать так, как требует совесть, но его нельзя заставить это делать. Напротив, в сфере права принуждение не только допустимо, но и необходимо, ибо «гражданское устройство есть отношение свободных людей, которые... подчинены принудительным законам, ибо этого требует сам разум...» (AA 08, S. 290; Кант, 1994, с. 283).

Даже если абстрагироваться от того обстоятельства, что Гуфеланд позиционирует свою систему как основанную на кантианских принципах — а именно так и поступает Кант в своей рецензии, — в ней все равно присутствуют спорные тезисы. Центральный вопрос, поставленный Кантом, касается условий, при которых применение принуждения совместимо с принципами права (см.: AA 08, S. 128; Кант, 2009, с. 233). Если в качестве основания принимается обязанность содействия совершенству, то, по мнению Канта, создается абсурдное следствие (см.: Wood, 2002, p. 7): границы права становятся настолько неопределёнными, что даже «самый изощрённый ум» (AA 08, S. 129; Кант, 2009, с. 233) не сможет установить, как далеко они простираются. По этой причине разграничение легитимного и нелегитимного принуждения становится невозможным.

⁴ Термин *Billigkeit* имеет несколько разных вариантов перевода на русский язык, так как сложно подобрать слово, которое в полной мере передавало бы его значение (см.: Крыштоп, 2016).

may be under an obligation to act as conscience bids, but he/she cannot be forced to do so. By contrast, in the sphere of law coercion is not only admissible but necessary, for “a civil constitution is a relation of free human beings who [...] are nevertheless subject to coercive laws; for reason itself wills it so” (TP, AA 08, p. 290; Kant, 1996b, pp. 290-291).

Even if we leave aside the fact that Hufeland positions his system based on Kantian principles, which is exactly what Kant does in his review, it still has debatable theses. The key question Kant raises has to do with the conditions under which the use of coercion is compatible with the principles of law (*cf.* *RezHufeland*, AA 08, p. 128). If the obligation to promote perfection is taken as the basis, then in Kant’s view an absurd situation arises (*cf.* Wood, 2002, p. 7): the limits of law become so blurred that even “the most practiced understanding” (*RezHufeland*, AA 08, p. 129; Kant, 1996a, p. 116) would be unable to determine how far they reach. This makes it impossible to delimit legitimate and illegitimate coercion.

Thus, Hufeland’s system rests on two interconnected propositions, both of which contradict Kant’s doctrine. Kant displays loyalty. Unlike other reviewers who were sharply critical of Hufeland he notes that the work is written “with historical completeness” (*RezHufeland*, AA 08, p. 127; Kant, 1996a, p. 115) and contains much that is “deeply thought out” (*RezHufeland*, AA 08, p. 129; Kant, 1996a, p. 117).

3. The Right to Coerce as Seen by Hufeland’s Contemporaries

Hufeland (1785, p. 132) claims that “no attempt up till now to force the issue has been

Таким образом, система Гуфеланда опирается на два взаимосвязанных положения, каждое из которых противоречит кантовской доктрине. Кант, несмотря на фундаментальные разногласия, проявил лояльность. В отличие от других рецензентов, резко раскритиковавших Гуфеланда, он признал, что работа написана «с исторической основательностью» (АА 08, S. 127; Кант, 2009, с. 231) и содержит «много глубоко продуманного» (АА 08, S. 129; Кант, 2009, с. 234).

3. Право принуждения у современников Гуфеланда

Гуфеланд заявляет, что еще «ни одна из предшествующих попыток обосновать принуждение не увенчалась успехом» (Hufeland, 1785, S. 132), поэтому его критика обращена не только к предшественникам, но и к современникам, писавшим на эту тему, в частности к Готфриду Ахенвалю (1719–1772), чье учение он также находит не самым удачным. Фигура Ахенваля представляет в данной связи особый интерес еще и потому, что именно по его латинскому учебнику читал свои лекции по естественному праву Кант.

Ахенваль в своей концепции возвращает к теологическому основанию естественного права, из-за чего в его учении прослеживается строгая связь принципов права с волей Бога (см.: Stiening, 2021, S. 25). Исходной предпосылкой является существование Бога как творца и хранителя всего сущего, включая человека (см.: Achenwall, 2020, p. 12 (§ 27)). Бог наделил человека способностью познавать божью волю и действовать по своей свободной воле, чтобы люди «не как машины... а как авторы собственных поступков» (Achenwall, 1767, p. 45 (§ 52)) могли соответствовать божественному замыслу. Отсюда вытекает понимание естественного закона как морального, или божественного закона, познаваемого из философских принципов, а естественное право оказывается наукой, изуча-

quite successful”¹⁴, so that his criticism is addressed not only to his predecessors but also to his contemporaries who wrote on this topic, notably Gottfried Achenwall (1719–1772), whose teaching he finds wanting. Achenwall is an interesting figure for yet another reason, for Kant used his Latin textbook in delivering his lectures on natural law.

Achenwall brings back the theological grounding of natural law, his teaching being expressly linked to the will of God (see Stiening, 2021, p. 25). His premise is the existence of God as the creator and custodian of all that exists, including the human being (see Achenwall, 2020a, p. 12 (§ 27)). God endowed people with the capacity to know God’s will and act of their own will so that they could follow God’s design “not [...] like machines but as authors of our acts” (Achenwall, 2020b, p. 45; cf. 1767, p. 45 (§ 52)). Hence the interpretation of the natural law as a moral or divine law cognised through philosophical principles; natural law is a science that studies this law as part of practical philosophy and morality (Achenwall, 1767, pp. 43–44 (§ 50)).

An important place in Achenwall’s system is occupied by cognisability of God’s will. In saying that natural laws call for actions in accordance with God’s will Achenwall stresses that their basis is comprehensible for people (see Kleingeld, 2020, p. XIV). Natural law does not rely on revelation because the human being is “able to sufficiently know God’s will [...] by the light of reason alone” (Achenwall, 2020b, p. 46; cf. 1767, p. 46 (§ 54)). The source of this knowledge is our own nature and the nature of other things accessible to our reason. So, the principle of cognising the natural law is the essence and nature of things from which it can be deduced that God wants the human

¹⁴ Cf. “[...] keiner von den bisherigen Versuchen, den Zwang zu beweisen, ganz geglückt ist.”

ющей этот закон как часть практической философии и морали (Ibid., p. 43–44 (§ 50)).

Важное место в системе Ахенваль играет познаваемость воли Бога. Говоря, что естественные законы требуют действий в соответствии с божьей волей, Ахенваль подчеркивает, что их основа постижима для людей (см.: Kleingeld, 2020, p. XIV). Естественный закон не зависит от откровения, потому что человек «в достаточной мере познает волю Божию... только в свете разума» (Achenwall, 1767, p. 46 (§ 54)). Источником этого знания служит наша собственная природа и природа других вещей, доступных нашему разуму. Таким образом, принцип познания естественного закона — это сущность и природа вещей, из которых можно вывести, что Бог хочет, чтобы человек совершал или не совершал определенные поступки (см.: Achenwall, 2020, p. 12 (§ 30)). Ахенваль также отмечает, что «всякое свободное действие является глупым, если оно не согласуется с божественной волей с наивозможной точностью, поскольку мы эту волю познаем посредством одного только разума» (Achenwall, 1761, S. 5 (§ 10)).

Важной является связь моральных законов с божественными наградами и наказаниями. Без закономерных последствий свободных поступков моральный закон перестает быть обязанностью. Эта позиция позволяет Ахенвалю критиковать тех, кто пытается основывать естественный закон исключительно в силу божественной воли, поскольку, игнорируя награды и наказания, они также игнорируют природу человека, которая «такова, что ее можно преодолеть только с помощью благих и злых последствий» (Achenwall, 1767, p. 48 (§ 55)).

Из всего этого выводится требование: «Приведите свои свободные действия в соответствие с волей Бога» (Ibid., p. 50 (§ 58)). Это положение становится первоосновой обязанностей и законов, а его содержание раскрывается в призыве к совершенству и самосохранению: «Действуйте в соответствии с волей Бога, насколько возмож-

being to perform or not perform certain acts (cf. Achenwall, 2020a, p. 12 (§ 30)). He also argues that “Any action is foolish if it does not correspond as closely as possible to the divine will, in so far as we can discern it through reason alone”¹⁵ (Achenwall, 1761, p. 5 (§ 10)).

Another important consideration is the connection of moral laws with divine rewards and punishments. Moral law ceases to be an obligation without the inevitable consequences of free acts. This position enables Achenwall to criticise those who try to ground natural law exclusively on God’s will because by ignoring rewards and punishments people also ignore human nature “which is such that it can only be obligated through good or bad consequences” (Achenwall, 2020b, p. 47; cf. 1767, p. 48 (§ 55)).

All this leads to the injunction: “[...] adjust your free actions to God’s will” (Achenwall, 2020b, p. 49; cf. 1767, p. 50 (§ 58)). This proposition is the underlying basis of obligations and laws and its content is revealed in the call for perfection and self-preservation: “Act in accordance with God’s will as much you can for the sake of your own happiness and [...] perfect yourself, preserve yourself [...] not just as an end, but also as a means to God’s ends” (Achenwall, 2020b, p. 50; cf. 1767, p. 51 (§ 60)).

From this is derived the right to coerce (*jus cogendi*). The human being is obligated to preserve his/her body and life, as much as possible (Achenwall, 2020b, p. 83; cf. 1767, p. 92 (§ 102)). If someone crosses the boundaries the moral capacity to eliminate the threat arises, and if this calls for the use of force, force can and must be used. Because people are naturally obligated not to do what contradicts preservation, and violation of this duty gives the human being coercive right, this obligation

¹⁵ Cf. “[...] ist eine jede Handlung thöricht, die nicht möglichst genau mit dem göttlichen Willen, so ferne wir solchen aus blosser Vernunft erkennen, übereinkommt.”

но ради своего счастья и... ради своего совершенства и сохранения себя... совершенствуйте себя не только как цель, но и как средство достижения целей Божьих» (Ibid., p. 51 (§ 60)).

Из этого непосредственно выводится право принуждения (*jus cogendi*). Человек обязан оберегать себя и сохранять «свое тело и жизнь, насколько это возможно» (Ibid., p. 92 (§ 102)). Если кто-то нарушает границы, то возникает моральная способность устранить эту угрозу, и если при этом требуется применение силы, то ее можно и нужно применить. Так как люди естественно обязаны не делать того, что противоречит сохранению, а нарушение этой обязанности дает человеку принудительное право, получается, что эта обязанность является совершенной, а право — законным (см.: Achenwall, 2020, p. 14 (§ 37)).

Гуфеланд подвергает всю систему Ахенвалья критике, а его центральное возражение касается некоторых положений естественного права. Ахенваль устанавливает в качестве первоосновы волю Бога, что, по мнению Гуфеланда, недопустимо, так как естественное право, как уже отмечено, должно ограничиваться сферой внешних принудительных прав, что исключает из гуфеландовского предмета рассмотрение обязанностей по отношению к Богу.

Гуфеланд отмечает, что Ахенваль, не установив достаточно убедительной связи между принципом и следствиями, тем не менее утверждает, что из обязанности самосохранения вытекает право принуждения. Хотя Гуфеланд и признаёт этот вывод при строгой корреляции права и обязанности, он обнаруживает здесь изъян — этот переход, по его мнению, является лишь случайным сопоставлением, встречающимся не во всех мыслимых случаях, — и подчеркивает, что «право и обязанность... не всегда могут быть одного объема» (Hufeland, 1785, S. 109). Поэтому переход от совершенной обязанности к принудительному праву не оправдан. Особое недоумение вы-

turns out to be perfect and the right legitimate (see Achenwall, 2020a, p. 14 (§ 37)).

Hufeland criticises Achenwall's entire system, his key objection being to several provisions of natural law. Achenwall posits God's will as the main principle, which Hufeland considers inadmissible because natural law, as mentioned above, should be limited to the sphere of external coercive right which rules out obligations to God.

Hufeland argues that Achenwall, not having established a sufficiently convincing link between principle and consequence, nevertheless claims that the right to coerce arises from the obligation of self-preservation. Although Hufeland goes along with this conclusion, given strict correlation between right and obligation, Hufeland finds a flaw here: this transition, he argues, is merely an accidental juxtaposition that does not occur in all conceivable cases, and he stresses that "right and obligation [...] cannot always be of the same extent"¹⁶ (Hufeland, 1785, p. 109). Therefore, transition from perfect obligation to coercive rule is unjustified. Hufeland is particularly puzzled by Achenwall's demand "not to act contrary to the preservation of others" (cf. Achenwall, 2020a, p. 14 (§ 38)), declaring firmly: "Here I do not understand Achenwall's principle"¹⁷ (Hufeland, 1785, p. 175). Thus, while going along with the "partly deserved recognition"¹⁸ for his "considerable insight"¹⁹, Hufeland comes to the conclusion that this system has "not reached the heights of the philosophical spirit"²⁰ (ibid., p. 107).

Another contemporary of Hufeland who exerted noticeable influence on the

¹⁶ Cf. "Recht und Pflicht [...] nicht immer von gleichem Umfange seyn können."

¹⁷ Cf. "Ich verstehe hier nicht Achenwalls Grundsatz."

¹⁸ Cf. "Den Beyfall [...] verdient er zum Theil."

¹⁹ Cf. "[er besaß] keinen geringen Scharfsinn."

²⁰ Cf. "[...] nicht bis zur Höhe des Geistes erhob."

зывает у Гуфеланда требование Ахенваля «не поступай вопреки сохранению других» (см.: Achenwall, 2020, p. 14 (§ 38)), так что он прямо заявляет: «Здесь я не понимаю аргумента Ахенваля» (Hufeland, 1785, S. 175). Таким образом, признавая за Ахенвалем «отчасти заслуженное признание», полученное им благодаря «значительной проницательности», Гуфеланд приходит к выводу, что эта система все-таки «не достигла высот философского духа» (Ibid., S. 107).

Еще одним современником Гуфеланда, имевшим заметное влияние на становление кантовских правовых взглядов, был Э. Ф. Кляйн (1743–1810). Кляйн и Кант состояли в переписке, в ходе которой касались философско-правовых вопросов, а также изучали труды друг друга (см.: Hinske, 1981, Hinske, 2000). Об этом может свидетельствовать, например, работа Канта «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”», при написании которой он, как отмечает Хинске, был под влиянием сочинения Кляйна (Klein, 1790). У автора «Опыта...» же прямых отсылок к нему немного, хотя Гуфеланд знал о некоторых трудах Кляйна, в которых раскрывается проблема принуждения. Однако у Кляйна рассуждение строится как учение об обязанностях (*Pflicht-enlerhe*), а не о правах. Взаимодействия людей представляют собой сеть взаимных обязанностей, которая в сфере частных отношений основывается на принципе равенства: каждый обязан уважать свободу другого, принуждение же лишь реакция на нарушение этого равновесия. Именно модель отношений «обязанность — обязанность» способна, по мнению Кляйна, обеспечить устойчивую социальную связь, в отличие от модели «право — право» (см.: Fiorillo, 2005, S. 47).

Так как право вытекает из обязанности, а не наоборот, важным в этой системе является приоритет второй над первым. Кляйн определяет обязанность как моральную «необходимость совершать какие-либо действия, претерпевать их или воздерживаться от них» (Klein, 1797a,

development of Kant's legal views was E.F. Klein (1743–1810). Klein and Kant corresponded upon philosophical-legal issues and studied each other's works (see Hinske, 1981; 2000). One proof of this is, for example, Kant's work "On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice" which, as Hinske notes, was influenced by Klein's works (Klein, 1790). By contrast, Hufeland has few direct references to him although the author of the *Essay* knew about some of Klein's works dealing with the problem of coercion. But Klein's argument is based on the doctrine of obligations (*Pflichtenlehre*), and not of rights. Intercourse between people is a network of inter-relations based in the sphere of private relations on the principle of equality: each is obliged to respect the freedom of the other, coercion being just a reaction to the violation of this balance. According to Klein, it is the "obligation — obligation" model that can ensure stable social connectivity, unlike the "right — right" model (see Fiorillo, 2005, p. 47).

Because right flows from obligation and not *vice versa* the priority of the latter over the former is essential in this system. Klein defines obligation as moral "necessity to perform acts, to suffer them or refrain from them"²¹ (Klein, 1797a, p. 51), stressing that "it is reason that determines our obligations"²² (Klein, 1797b, p. 169). Right is the consequence of the universal obligation to respect the rights of others. Peaceful coexistence of citizens is based on the obligation not to obstruct others in acting according to their judgment (see Klein, 1789, p. 18). Like Kant later, Klein links right with the authority to coerce (see MS, AA 06, p. 231).

Klein (1790, p. 146) defines freedom as "the capacity to perform one's obligations"²³, which

²¹ Cf. "Die Nothwendigkeit, etwas zu thun, zu dulden, oder zu unterlassen".

²² Cf. "[...] die Vernunft ist es, welche unsre Pflichten bestimmt".

²³ Cf. "[...] die Macht, Ihre Pflichten zu erfüllen."

S. 51), подчеркивая, что «именно разум определяет наши обязанности» (Klein, 1797b, S. 169). Право — следствие всеобщей обязанности уважать права других. Мирное же сосуществование граждан основывается на обязанности не препятствовать другому действовать в соответствии с его суждением (см.: Klein, 1789, S. 18). Как позднее у Канта, у Кляйна право связано с правомочием принуждать (см.: АА 06, S. 231; Кант, 2014, с. 91).

Свобода определяется Кляйном как «способность исполнять свои обязанности» (Klein, 1790, S. 146), которая возможна лишь при господстве разума над чувственными влечениями. Эта способность предполагает, что разум сам устанавливает себе законы и добровольно им подчиняется. Именно через такое повиновение он и утверждает свою свободу. Посредством этих законов разум налагает ограничения на влечения (см.: Klein, 1797b, S. 173). В сфере должного (Sollen) свобода и обязанность оказываются неразрывно связаны: они представляют два аспекта одного состояния — преобладания разума над страстями. Как подчеркивает Кляйн, «никто не может похвастаться исполнением своей обязанности, если он просто следовал порыву собственного влечения» (Ibid., S. 174), так как свобода обеспечивается неподкупностью разума, достичь которой можно через привычку возвышаться над соблазном влечений всех видов (см.: Fiorillo, 2005, S. 50–51).

По мысли Кляйна, сфера равенства индивидуальных свобод основывается на взаимной реализации гражданских обязанностей, то есть прежде всего на обязанности не вторгаться в правовую сферу другого, что предполагает наличие неподкупного разума. Но он признаёт, что в реальности одного только морального побуждения для исполнения этой обязанности недостаточно, именно поэтому возникает необходимость принуждения: «Поскольку одному человеку... принадлежит правомочие заставить другого исполнить его принудительные обязанности, это правомочие принадлежит и дру-

is only possible if reason prevails over sensual drives. This capacity implies that reason lays down its own laws and voluntarily obeys them. It is through such obedience that reason asserts its freedom (see Klein, 1797b, p. 173). In the sphere of the ought (Sollen) freedom and obligation are inseparably bound up together being two aspects of one and the same state, the prevalence of reason over passions. Klein stresses that “no one can boast of having performed one’s obligation if he merely followed the impulse of his own desire”²⁴ (ibid., p. 174), since freedom is based on incorruptibility of reason which can be attained through the habit of rising above temptations of every kind (see Fiorillo, 2005, pp. 50–51).

According to Klein, the sphere of equality of individual freedoms is based on mutual compliance with civil obligations, i.e. above all the obligation not to invade the legal sphere of another which implies incorruptibility of reason. But he concedes that in reality moral impulse alone is not enough for compliance with the obligation, which is where the need for coercion arises: “Because one person [...] has the authority to force another to perform his coercive duties, this authority belongs to the other (the right of natural equality)”²⁵ (Klein, 1797a, p. 69). The right of one sets the limits for the right of another (see Klein, 1789, p. 25), and the possibility of mutual coercion arises only if respect for the other’s legal space lapses (see *ibid.*, p. 26), which is why he dislikes external coercion and “the more he likes inner coercion imposed by one’s own reason”²⁶ (ibid., p. 95).

²⁴ Cf. “Niemand rühmt sich daher der Erfüllung seiner Pflicht, wenn er bloß dem Antriebe seiner eigenen Begierde gefolgt ist”.

²⁵ Cf. “So weit dem einen Menschen [...] die Befugniß zusteht, den andern zu Erfüllung seiner Zwangspflichten anzuhalten; so weit gebührt diese Befugniß auch dem andern. (Recht der natürlichen Gleichheit)”.

²⁶ Cf. “[...] so sehr liebe ich den innern [Zwang], den mir meine Vernunft auflegt”.

гому (право естественного равенства)» (Klein, 1797a, S. 69). Таким образом, право одного устанавливает границы праву другого (см.: Klein, 1789, S. 25), и возможность взаимного принуждения возникает только в том случае, если нарушается уважение к чужой правовой сфере. Для Кляйна основой обязанности является уважение к праву другого (см.: Klein, 1789, S. 26), поэтому он отрицательно относится к внешнему принуждению и «тем больше любит внутреннее, налагаемое собственным разумом» (Ibid., S. 95).

Однако по своей природе принуждение является злом, которое только устраняет физические препятствия, но никогда не может произвести истинного морального блага, поскольку с его помощью, отмечает Кляйн, можно дрессировать людей как животных (см.: Klein, 1790, S. 95), так что его легитимность должна быть строго ограничена. Из-за того что принуждение стремится уничтожить волю человека и отнять у него его свободную сущность, оно должно быть сведено к минимуму и использоваться лишь как средство защиты свобод и реализации принципа равенства. Его цель — устранение нарушений чужого права, и поэтому оно легитимно лишь против того, кто, «вторгаясь в свободу других, утратил свою собственную свободу» (Klein, 1789, S. 19).

Позиция Кляйна относительно вопроса границ принуждения оказывается близкой к позиции Канта: оба определяют право как возможность взаимного принуждения, допускающего согласование свободы одного со свободой другого согласно всеобщему закону (см.: AA 06, S. 232; Кант, 2014, с. 95). Кляйн сам отмечает это в письме, адресованном Канту: «Давно я также понял принцип в естественном праве: только тот, кто нарушает свободу другого, может быть принужден. Этот основной принцип основан на равенстве прав и, следовательно, на достоинстве человеческой природы. Моя система естественного права как нельзя лучше согласуется с Вашей» (Klein, 1922). Для него принуждение оправдано только потому, что оно сохраняет «равное право всех защищать свою свободу» (Klein, 1789, S. 61).

However, inherently coercion is an evil which merely eliminates the physical obstacles, but it can never produce true moral good because it is helpful, Klein (1790, p. 95) argues, only in training people like animals, so that its legitimacy must be strictly limited. Because coercion seeks to destroy a person's will and rob the person of his free essence, it should be minimised and should be used only as a means to protect freedoms and implement the principle of equality. Its aim is to cure violations of another's rights, which is why it is legitimate only against those who, "by invading the freedom of others, lose their own freedom"²⁷ (Klein, 1789, p. 19).

Klein's position on the limits of coercion turns out to be close to Kant's: both define right as the possibility of mutual coercion, which permits coordination of the freedom of one with the freedom of the other in accordance with the universal law (see MS, AA 06, p. 232). Klein himself writes in a letter to Kant: "I have long understood the principle of natural right: only he who violates the freedom of another can be coerced. This key principle is based on equality of rights and consequently on the dignity of human nature. My system of natural rights could not agree more with yours"²⁸ (Klein, 1922). For him coercion is justified only to the extent that it preserves "an equal right" of all to defend their own freedom²⁹ (Klein, 1789, p. 61).

²⁷ Cf. "[...] welcher die Freyheit anderer stöhr, sich, so weiter dieses thut, seiner Freyheit verlustig macht".

²⁸ Cf. "Längst hatte ich auch im Naturrechte den Grundsatz angenommen: Nur der, welcher die Freyheit anderer stört, kann durch Zwang davon zurückgehalten werden. Dieser Grundsatz gründet sich auf die Gleichheit der Rechte und also auf die Würde der menschlichen Natur. Mein System des Naturrechts verträgt sich also mit keinem besser, als dem Ihrigen".

²⁹ Cf. "[...] jeder Einzelne ein gleiches Recht hat, seine Freyheit zu schützen".

4. Принуждение в праве у Канта: общий абрис

Связь между правом и принуждением у Канта выводится из принципа внешней свободы. Право определяется им в 1780-е гг. как «ограничение свободы, на основании которого она может сосуществовать со свободой каждого другого согласно всеобщему правилу» (AA 27, S. 1320; Кант, 2016а, с. 76). В отличие от Гуфеланда, для которого принуждение служит цели совершенства, Кант рассматривает его как средство восстановления свободы. Если употребление свободы одним лицом становится препятствием для свободы другого, то «направленное против такого употребления принуждение — как то, что воспрепятствует препятствию свободы... бывает правым» (AA 06, S. 231; Кант, 2014, с. 91). Принуждение здесь не насилие, а логическое следствие самого права: оно устраняет нарушение, тем самым восстанавливая условия для существования свобод.

Уже в лекциях по естественному праву Кант формулирует критические замечания, применимые, в частности, и к Гуфеланду. Кёнигсбергский философ указывает на неопределенность места естественного права в практической философии: «...пока еще совершенно не удалось из принципов определить место *jure naturae* [естественного права] и указать границы между ним и моралью» (AA 27, S. 1321; Кант, 2016а, с. 78), что ведет к смешению двух этих сфер. Кант также критикует современных ему авторов за неспособность предложить критерии легитимного принуждения, так как они «определяют право без рассмотрения науки законов, к соблюдению которых можно принудить, и каковое принуждение не противостоит долгу» (AA 27, S. 1328; Кант, 2016б, с. 61).

Если основание права искать в морали, то границы легитимного вмешательства становятся неопределенными. Напротив, если право определять через внешнюю свободу, возникает четкий критерий: принуждение допустимо

4. Kant's View of Coercion in Right: A Rapid Glance

Kant derives the connection between right and coercion from the principle of external freedom. In the 1780s he defines right as “a limitation of freedom according to which freedom can exist with the freedom of all others in accordance with a universal rule” (V-NR/*Feyerabend*, AA 27, p. 1320; Kant, 2016, p. 82). Unlike Hufeland, for whom coercion serves the purpose of perfection, Kant considers it to be a means of restoring freedom. If the use of freedom by one person becomes a hindrance to the freedom of the other, “coercion that is opposed to this (*as a hindering of a hindrance to freedom*) [...] is right” (MS, AA 06, p. 231; Kant, 1991, p. 57). Here coercion is not violence but a logical consequence of right itself: it cures the wrong, thereby restoring the conditions for the coexistence of freedoms.

Already in the lectures on natural law Kant formulates critical remarks which are applicable, among others, to Hufeland. He points to the uncertainty of the place of natural law in practical philosophy: “One does not as yet know how to determine from principles the place for *jus naturae* [natural right] in practical philosophy or to show the border between *jus naturae* and morals” (V-NR/*Feyerabend*, AA 27, p. 1321; Kant, 2016, p. 83), which leads to the confusion of these two spheres. Kant also criticises contemporary authors for their failure to come up with criteria of legitimate coercion because they “define right without a science of the laws which one can be coerced to observe when this coercion does not contradict duty” (V-NR/*Feyerabend*, AA 27, p. 1328; Kant, 2016, p. 92).

If one seeks to derive right from morality, the boundaries of legitimate interference become blurred. By contrast, if right is defined by means of external freedom a clear criterion emerges: coercion is admissible only

только тогда, когда оно направлено на устранение нарушения этой свободы. Как подчеркивает Кант в рецензии на труд Гуфеланда, без такого критерия даже «в самых простых случаях жизни» (AA 08, S. 129; Кант, 2009, с. 233) невозможно точно определить, где заканчиваются права одного и начинаются права другого.

5. Пересмотр Гуфеландом своих естественно-правовых идей

Ко второму изданию своего учебника по естественному праву «Положения естественного права и связанных с ним наук для лекций» (1795) Гуфеланд совершает существенный поворот, отказываясь от идеи совершенства как основания морали. Если в 1785 г. система строилась на требовании содействовать совершенству всех людей, то теперь новым фундаментом становится формулировка, вдохновленная этикой Канта: «Правила, которые ты сам себе даешь для своих действий (максимы), должны быть такими, чтобы они могли быть общезначимыми законами или, по крайней мере, ты хотел бы, чтобы они были таковыми» (Hufeland, 1795, S. 48–49), что напоминает одну из версий категорического императива (см.: AA 05, S. 30; Кант, 1997a, с. 349).

Право, соответственно, перестает пониматься как инструмент реализации совершенства. Вместо этого оно определяется как сфера возможной свободы: «...каждый человек имеет право хотеть всего, что не запрещено в соответствии с общепризнанными законами» (Hufeland, 1795, S. 57). В подтверждение своей новой позиции Гуфеланд прямо ссылается на фрагмент из сочинения Канта «О поговорке...» (см.: AA 08, 289–290; Кант, 1994, с. 283).

Важно, однако, что Гуфеланд сохраняет деление прав на совершенные и несовершенные⁵. Первые он связывает с первым типом справедливости (Gerechtigkeit / justitia) — обязанно-

⁵ Это различие будет играть существенную роль в поздней «Метафизике нравов» Канта.

when it is used to eliminate violations of this freedom. As Kant stresses in his review of Hufeland, without such a criterion even “in the commonest cases of life” (*RezHufeland*, AA 08, p. 129; Kant, 1996a, p. 116) it is impossible to determine accurately where the rights of one end and the rights of the other begin.

5. Hufeland Revises His Ideas on Natural Right

By the second edition of his book on natural law (1795) Hufeland had executed a pivot, renouncing the idea of perfection as the basis of morality. Whereas in 1785 his system demanded promotion of the perfection of all people, now the new foundation was a formula inspired by Kant's ethics: “The rules you set for yourself for your actions (maxims) must be such that they could be universally meaningful laws or at least you could wish them to be universally meaningful laws”³⁰ (Hufeland, 1795, pp. 48-49). This resembles one of the versions of the categorical imperative (see *KpV*, AA 05, p. 30).

Accordingly, law ceases to be seen as an instrument of perfecting. Instead, it is determined as the space of possible freedom: “every man has the right to desire whatever is not forbidden in accordance with universally recognised laws”³¹ (Hufeland, 1795, p. 57). To support his new position Hufeland cites a fragment of Kant's work “On the Common Saying” (cf. *TP*, AA 08, pp. 289-290).

Importantly, however, Hufeland retains the distinction between the rights that have and have not been exercised.³² He links the former with the first type of justice

³⁰ Cf. “Die Vorschriften, die du dir selbst für deine Handlungen giebst (Maximen), müssen so beschaffen seyn, dass sie allgemeine Gesetze seyn können, oder doch dass du wollen kannst, dass sie allgemeine Gesetze würden.”

³¹ Cf. “Jeder Mensch hat ein Recht, alles zu wollen, was nicht als verboten nach allgemeingültigen Gesetzen gedacht werden muss.”

³² This distinction would be important for Kant's later *Metaphysics of Morals*.

стью не поступать вопреки совершенным правам других, вторые — со вторым, особым типом справедливости (*Billigkeit / aequitas*) — обязанностью поступать в соответствии с несовершенными правами других (см.: Hufeland, 1795, S. 59). Примечательно и его утверждение, что «все права основаны на моральном законе» (*Ibid.*, S. 62) и что лишь тот, кто признаёт это, может претендовать на свои права.

Что касается принуждения, то оно теперь обосновывается исключительно как средство восстановления поправленной свободы: «...каждый человек имеет право добиваться своих и чужих совершенных прав путем принуждения... или можно сказать: каждый человек имеет право добиваться своей собственной и чужой свободы путем принуждения» (*Ibid.*, S. 61–62). Его поводом становится не угроза совершенству, а нарушение справедливости (*Ibid.*, S. 64), то есть противоправное ограничение свободы другого, что вновь весьма схоже с позицией Канта.

Эволюция позиции Гюфеланда не осталась незамеченной современниками. Уже в 1785–1790 гг. вокруг «Опыта...» и первого учебника, содержательно близкого к «Опыту...», развернулась оживленная полемика. Гюфеланду ставили в упрек некорректное определение сущности права, скептическое отношение к устоявшимся терминам (Anonym, 1786b, S. 169–171) и неоправданную критику предшественников и современников. В частности, один из рецензентов был не согласен с гюфеландовской критикой начавшего в эти годы ожесточенную полемику с кантовской критической философией И. Г. Г. Федера, чье определение права рецензент считал точным и глубоким (Anonym, 1787, S. 403–404, 406–407), в отличие от автора «Опыта...». Недоумение также вызывало многостраничное отступление о «Критике чистого разума» и кантовском физико-теологическом доказательстве бытия Бога, которые рецензенты сочли не имеющими отношения к предмету естественного права (Anonym, 1786a, S. 150–151). Кроме того, отмечались размытость

(*Gerechtigkeit / justitia*), i.e. the obligation not to act contrary to the exercised rights of others, and the latter with the second, special type of justice (*Billigkeit / aequitas*), the duty to act in accordance with unexercised rights of others (see Hufeland, 1795, p. 59). It deserves notice that “all rights are based on the moral law”³³ (*ibid.*, p. 62), and only he who recognises this can claim his rights.

As for coercion, now it is seen exclusively as a means to restore violated rights: “[...] everyone has the right to redress of his own and others’ exercised rights through coercion [...] or, one might say, every man has the right to seek one’s own and others’ freedom through coercion”³⁴ (*ibid.*, pp. 61–62). The ground for this is not a threat to perfection, (*ibid.*, p. 64), but restriction of the freedom of the other, which again is very similar to Kant’s position.

The evolution of Hufeland’s views did not pass unnoticed by his contemporaries. As early as 1785–1790 the *Essay* and the first textbook which is close to the *Essay*’s content was at the centre of a lively polemic. Hufeland was accused of incorrect definition of the essence of law, scepticism with regard to established terms (Anonym, 1786b, pp. 169–171) and unfair criticism of predecessors and contemporaries. In particular, one reviewer disagreed with Hufeland’s criticism of Johann Georg Heinrich Feder who at the time launched a fierce polemic with Kant’s critical philosophy and whose definition of law the reviewer had found to be precise and profound (Anonym, 1787, pp. 403–404, 406–407), unlike the author of the *Essay*. Brows were also raised by the many-pages of digression in the the *Essay on the Principle of Natural Right* about the *Critique of Pure Reason* and Kant’s physical-theological

³³ Cf. “Alle Rechte gründen sich auf das Sittengesetz.”

³⁴ Cf. “Jeder Mensch hat das Recht, seine und anderer vollkommne Rechte durch Zwang zu erhalten [...] Man kann auch sagen: Jeder Mensch hat das Recht, Seine und anderer gesetzmässige Freyheit durch Zwang zu erhalten.”

формулировок, недостаточные убедительность и новизна основного принципа, мало отличавшегося или даже не отличавшегося вовсе от системы известного во второй половине XVIII в. практического философа И.Г. Дарьеса (Anonym, 1786в). Рецензенты подчеркивали, что принцип Гуфеланда сводится к морали (Anonym, 1792, S. 516), и возражали против вывода естественного права из совершенства (Anonym, 1794, S. 319).

Дискуссия вышла и за рамки журнальных рецензий, проникнув в труды современников Гуфеланда. Так, Кляйн высоко оценил его вклад, назвав «Опыт...» наиболее влиятельным трудом в области естественного права, и отметил, что автор открыл новые перспективы для развития этой дисциплины (см.: Klein, 1797a, S. 363). В то же время другие рецензенты, например известный в России начала XIX в. юрист Т. Шмальц (1760–1831), отвергали попытки Гуфеланда следовать кантовской традиции и отмечали, что рассматривать эту книгу как труд, применяющий кантовские принципы к естественному праву, нельзя (Schmalz, 1792, S. 7). Но после выхода второго издания учебника в 1795 г. тон рецензий заметно изменился (Klippel, 2009, S. 312–313). Критики с одобрением отмечают отказ автора от прежнего принципа совершенства (Anonym, 1795, S. 923; Anonym, 1796, S. 2).

Дискуссия о взглядах Гуфеланда на естественное право оказала стимулирующее воздействие на мысль позднего Канта, впервые систематически сформулировавшего свое учение о праве лишь к 1797 г. — в первом полутоме «Метафизики нравов». Здесь нашли отражение темы, ставшие предметом обсуждения в связи со взглядами Гуфеланда: различение морали и права, два вида справедливости, совершенные и несовершенные обязанности. Симптоматично и то, что одна из ключевых проблем Гуфеланда — проблема принуждения в праве — не нашла у Канта однозначного решения применительно к естественному праву, так что этот вопрос требует особого рассмотрения.

proof of the existence of God which reviewers thought to be irrelevant to the subject of natural law (Anonym, 1786a, pp. 150-151). Hufeland was also charged with vagueness of language, unconvincing grounding and lack of novelty of the main principle which was little, if at all, different from the system of the eighteenth-century practical philosopher Joachim Georg Darjes (Anonym, 1786c). Reviewers stressed that Hufeland's principle boiled down to morality (Anonym, 1792, p. 516) and objected to natural law being derived from perfection (Anonym, 1794, p. 319).

The discussion overflowed beyond the framework of journal reviews into the works of Hufeland's contemporaries. Thus, Klein praised his contribution, referring to his work as the most influential one in the field of natural law and noting that Hufeland had opened up new vistas for the development of the discipline (see Klein, 1797a, p. 363). At the same time other authors, for example, Theodor Schmalz (1760–1831), a prominent jurist in early nineteenth century Russia, rejected the author's attempt to follow the Kantian tradition and argued that the *Essay on the Principle of Natural Right* could not claim to be an application of Kantian principles to natural law (Schmalz, 1792, p. 7). The tone of reviews changed noticeably, however, after the publication of the second edition of the textbook in 1795 (Klippel, 2009, pp. 312-313). Critics wrote approvingly about his renunciation of the former principle of perfection (Anonym, 1795, p. 923; Anonym, 1796, p. 2).

The discussion of Hufeland's views on natural law stimulated the thinking of the later Kant who first formulated his teaching on right as late as 1797 in the first semi-volume of *Metaphysics of Morals*. It addresses topics that became subjects of discussion in connection with Hufeland's views: the distinction between

Первая часть «Метафизики нравов» Канта не осталась без реакции Гуфеланда. После ее публикации в 1797 г. сразу выходит анонимная рецензия (Anonym, 1797a; Anonym, 1797b), которую, судя по стилю, можно с уверенностью приписать ему (см.: Schröpfer, 2003, S. 378). В ней он называет появление кантовского труда «радостным событием», а саму работу — «шедевром» (Anonym, 1797a, S. 529). Примечательно, что рецензия вообще не содержит критических замечаний, а ее цель, по словам автора, — зафиксировать основные идеи, изложенные в этом труде. Тем не менее сам факт ее написания свидетельствует о неослабевавшем интересе Гуфеланда к кантовской философии. Более того, эпитеты, которыми он награждает труд Канта, указывают на сохраняющееся восхищение, с которым он когда-то, на заре своей академической деятельности, обращался к «Критике чистого разума».

Список литературы

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Ками, 1994. Т. 1. С. 241–351.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Московский философский фонд, 1997a. Т. 3. С. 277–734.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Московский философский фонд, 1997b. Т. 3. С. 39–276.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Лейпциг; у Г. И. Гёшена. Рецензия на «Опыт о принципе естественного права» Готтлиба Хуфеланда, доктора философии и доктора обеих юриспруденций, вместе с приложением // Кант И. Трактаты. Рецензии. Письма (Впервые изданные в «Кантовском сборнике») / под ред. Л. А. Калинникова. Калининград : Изд-во РГУ им. Канта, 2009. С. 231–235.

Кант И. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–475.

morality and right; two kinds of justice; perfect and imperfect obligations. Tellingly, one of Hufeland's main problems, the problem of coercion in right, was not unequivocally solved by Kant with regard to natural right, an issue that awaits further study.

The first part of Kant's *Metaphysics of Morals* was not left without a reaction from Hufeland. An anonymous review was published shortly after its publication in 1797 (Anonym, 1797a; Anonym, 1797b). Judging from its style it can safely be attributed to Hufeland (see Schröpfer, 2003, p. 378). In it he describes the publication of Kant's work as a "joyous event"³⁵ and calls the work "a masterpiece"³⁶ (Anonym, 1797a, p. 529). It is noteworthy that the review does not contain any critical remarks, its professed aim being to recap the main ideas set forth in the book. Even so, the very fact of the review being written speaks of Hufeland's unflagging interest in Kantian philosophy. Moreover, the epithets he bestows on Kant's work show his admiration for Kant, which is reminiscent of his feelings at the dawn of his academic activities when he turned to the *Critique of Pure Reason*.

References

Achenwall, G., 1761. *Die Staatsklugheit nach ihren ersten Grundsätzen entworfen*. Göttingen: Vandenhoeck.

Achenwall, G., 2020a. *Natural Law. A Translation of the Textbook for Kant's Lectures on Legal and Political Philosophy*. Edited by P. Kleingeld, translated by C. Vermeulen, with an Introduction by P. Guyer. London: Bloomsbury Academic.

Achenwall, G., 2020b. *Prolegomena to Natural Law*. Edited by P. Kleingeld. Translated by C. Vermeulen. Groningen: University of Groningen Press.

Anonym, 1786a. Bey G.J. Göschen: Versuch über den Grundsatz des Naturrechts nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland der W.W. und b. R.D. 1785. *Tübinger gelehrte Anzeigen*, 19, pp. 148-152.

³⁵ Cf. "fröhlichen Anfang."

³⁶ Cf. "Meisterwerk."

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016а. Т. 35, № 3. С. 75–81.

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение (Окончание) / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016б. Т. 35, № 4. С. 56–62.

Кант И. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, А. Н. Круглова, Б. Дёрфлингера, Д. Хюнинга. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 5, ч. 2. С. 14–232.

Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. 2025. Т. 18, № 3. С. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>.

Крыштоп Л. Э. Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестливость // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 4. С. 63–72. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-5>.

Крыштоп Л. Э. Принципы оценки (*iudicatio*) и исполнения (*executio*) в практической философии Канта (на материале «Естественного права Файерабенда» и лекций по этике) // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 99–124. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-4>.

Achenwall G. Die Staatsklugheit nach ihren ersten Grundsätzen entworfen. Göttingen : Vandenhoeck, 1761.

Achenwall G. Prolegomena Iuris Naturalis In Usum Auditorium. Gottingae : Bossigel, 1767.

Achenwall G. Natural Law. A Translation of the Textbook for Kant's *Lectures on Legal and Political Philosophy* / ed. by P. Kleingeld, transl. by C. Vermeulen, with an Introduction by P. Guyer. L. : Bloomsbury Academic, 2020.

Anonym. Bey G. J. Göschen: Versuch über den Grundsatz des Naturrechts nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland der W. W. und b. R. D. 1785 // Tübingsche gelehrte Anzeigen. 1786а. St. 19. S. 148–152.

Anonym. Bey G. J. Göschen: Versuch über den Grundsatz des Naturrechts. Nebst einem Anhang. Von Gottlieb Hufeland der W. W. und b. R. D. 1785 // Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1786б. Bd. 1, St. 18. S. 169–172.

Anonym. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts, nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. b. R. D. Leipzig, bey G. J. Göschen. 1785 // Bibliothek der neuesten Juristischen Litteratur (Leipzig). 1786в. Tl. 1, № 319. S. 212.

Anonym, 1786b. Bey G. J. Göschen: Versuch über den Grundsatz des Naturrechts. Nebst einem Anhang. Von Gottlieb Hufeland der W. W. und b. R. D. 1785. *Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen*, 1(18), pp. 169–172.

Anonym, 1786с. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts, nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. b. R. D. Leipzig, bey G. J. Göschen. 1785. *Bibliothek der neuesten Juristischen Litteratur (Leipzig)*, 1(319), p. 212.

Anonym, 1787. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts, nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. b. R. D. Leipzig, bey Göschen. 1785. *Allgemeine deutsche Bibliothek (Berlin & Stettin)*, 71(2), pp. 403–407.

Anonym, 1792. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. R. D., und der letztern öffentlichen Lehrer auf der Universität zu Jena. 1790. *Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena)*, 3(236), pp. 513–523.

Anonym, 1794. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften von Gottlieb Hufeland, der Weltweisheit und Rechte Doctor, und der letztern öffentlichen Lehrer auf der Universität zu Jena. Jena, bey Cuno's Erben. 1790. *Allgemeine deutsche Bibliothek (Kiel)*, 117(2), pp. 312–323.

Anonym, 1795. Jena bey Cuno's Erben: Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen von Gottlieb Hufeland, der W. W. und beider Rechte D., ordentlichen öffentlichen Prof. des Lehnrechts und ausserordentlichen Beysitzer der Juristenfacultät und des Schöppenstuhls auf der Universität zu Jena. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. 1795. *Annalen der Philosophie und des philosophischen Geistes (Halle)*, 1(116), pp. 922–931.

Anonym, 1796. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen von Gottlieb Hufeland, der W. W. und beider R. D. ordentl. öffentl. Lehrer des Lehnrechts u. s. w. zu Jena. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. Jena 1795. *Allgemeine juristische Bibliothek (Tübingen)*, 1, pp. 1–13.

Anonym, 1797а. Königsberg, b. Nicolovius: Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, von Immanuel Kant. 1797. *Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena)*, 2(169), pp. 529–536.

Anonym, 1797b. Königsberg, b. Nicolovius: Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, von Immanuel Kant. ect. (Beschluss der im vorigen Stück abgebrochenen Recension). *Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena)*, 2(170), pp. 537–544.

Anonym. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts, nebst einem Anhang von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. b. R. D. Leipzig, bey Göschen. 1785 // Allgemeine deutsche Bibliothek (Berlin u. Stettin). 1787. Bd. 71, St. 2. S. 403–407.

Anonym. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften von Gottlieb Hufeland, d. W. W. u. R. D., und der letztern öffentlichen Lehrer auf der Universität zu Jena. 1790 // Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena). 1792. Bd. 3, № 236. S. 513–521.

Anonym. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften von Gottlieb Hufeland, der Weltweisheit und Rechte Doctor, und der letztern öffentlichen Lehrer auf der Universität zu Jena. Jena, bey Cuno's Erben. 1790 // Allgemeine deutsche Bibliothek (Kiel). 1994. Bd. 117, St. 2. S. 312–323.

Anonym. Jena bey Cuno's Erben: Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen von Gottlieb Hufeland, der W. W. und beider Rechte D., ordentlichen öffentlichen Prof. des Lehnrechts und ausserordentlichen Beysitzer der Juristenfacultät und des Schöppenstuhls auf der Universität zu Jena. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. 1795 // Annalen der Philosophie und des philosophischen Geistes (Halle). 1795. Bd. 1, St. 116. S. 922–931.

Anonym. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen von Gottlieb Hufeland, der W. W. und beider R. D. ordentl. öffentl. Lehrer des Lehnrechts u. s. w. zu Jena. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. Jena 1795 // Allgemeine juristische Bibliothek (Tübingen). 1796. Bd. 1. S. 1–13.

Anonym. Königsberg, b. Nicolovius: Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, von Immanuel Kant. 1797 // Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena). 1797a. Bd. 2, № 169. S. 529–536.

Anonym. Königsberg, b. Nicolovius: Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, von Immanuel Kant. etc. (Beschluss der im vorigen Stück abgebrochenen Recension) // Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena). 1797b. Bd. 2, № 170. S. 537–544.

Eisenhart A. R. Hufeland, Gottlieb // Allgemeine Deutsche Bibliographie. Leipzig : Duncker & Humblot, 1881. Bd. 13. S. 297–298.

Fiorillo V. Das Modell des Pflichtenstaats im kantianischen Liberalismus vom Ernst Ferdinand Klein // Italien und Preußen: Dialog der Historiographie. Tübingen : Max Niemeyer, 2005. S. 45–74.

Hinske N. Einleitung // Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. S. XIII–LXIX.

Eisenhart, A. R., 1881. Hufeland, Gottlieb. *Allgemeine Deutsche Bibliographie. Volume 13.* Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 297–298.

Fiorillo, V., 2005. Das Modell des Pflichtenstaats im kantianischen Liberalismus vom Ernst Ferdinand Klein. *Italien und Preußen: Dialog der Historiographie.* Tübingen: Max Niemeyer, pp. 45–74.

Hinske, N., 1981. Einleitung. In: N. Hinske ed. 1981. *Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. XIII–LXIX.

Hinske, N., 2000. Kants Beziehungen zu den Schaltstellen der Berliner Aufklärung. In: *Immanuel Kant und die Berliner Aufklärung.* Wiesbaden: Reichert, pp. 50–60.

Hufeland, G., 1785. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts nebst einem Anhang. Leipzig: Göschen.

Hufeland, G., 1790. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften. Jena: Cuno's Erben.

Hufeland, G., 1795. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen. 2. gänzlich umgearb. Ausg. Jena: Cuno's Erben.

Hufeland, G., 1922. Brief an I. Kant vom 11. Oktober 1785. In: *Kant's gesammelte Schriften. Volume 10.* Berlin: De Gruyter, pp. 412–413.

Kant, I., 1991. The Metaphysics of Morals. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1996a. Essay on the Principle of Natural Right – With an Appendix, by Gottlieb Hufeland, Doctor of Philosophy and Both Laws. Leipzig: G. J. Göschen, 1785. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy.* Translated by A. Wood, edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 115–117.

Kant, I., 1996b. On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy.* Translated by A. Wood. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 273–310.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason.* Edited and translated P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2016. Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy.* Translated and edited by F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 81–180.

Hinske N. Kants Beziehungen zu den Schaltstellen der Berliner Aufklärung // Immanuel Kant und die Berliner Aufklärung. Wiesbaden : Reichert Verlag, 2000. S. 50–60.

Hufeland G. Versuch über den Grundsatz des Naturrechts nebst einem Anhang. Leipzig : Göschen, 1785.

Hufeland G. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften. Jena : Cuno's Erben, 1790.

Hufeland G. Lehrsätze des Naturrechts und der damit verbundenen Wissenschaften zu Vorlesungen. 2. gänzlich umgearb. Ausg. Jena : Cuno's Erben, 1795.

Hufeland G. Brief an I. Kant vom 11. Oktober 1785 // Kant's gesammelte Schriften. Berlin. : De Gruyter, 1922. Bd. 10. S. 412–413.

Kant I. Naturrecht Feyerabend // Kant I. Naturrecht Feyerabend. Stuttgart-Bad Cannstatt : frommann-holzboog, 2024. S. 1–89.

Klein E. F. Schreiben an Herrn Professor Garve über die Zwangs- und Gewissens-Pflichten und den wesentlichen Unterschied des Wohlwollens und der Gerechtigkeit besonders bey der Regierung der Staaten. Berlin ; Stettin : Nicolai, 1789.

Klein E. F. Freyheit und Eigenthum, abgehandelt in acht Gesprächen über der Beschlüsse der Französischen Nationalversammlung. Berlin ; Stettin : Nicolai, 1790.

Klein E. F. Grundsätze der natürlichen Rechtswissenschaften nebst einer Geschichte derselben. Halle : Hemmerde; Schwetschke, 1797a.

Klein E. F. Ueber den Grund der geselligen Pflichten // Klein E. F. Kurze Aufsätze über verschiedene Gegenstände. Halle : Waisenhaus Buchhandlung, 1797b. S. 168–192.

Klein E. F. Brief an I. Kant vom 23. April 1789 // Kant's gesammelte Schriften. Berlin : De Gruyter, 1922. Bd. 11. S. 30.

Kleingeld P. Editor's Introduction // Achenwall G. Prolegomena to Natural Law. Groningen : University of Groningen Press, 2020. P. VII–XXII.

Klippel D. Politische Theorien im Deutschland des 18. Jahrhunderts // Aufklärung. Bd. 2. Hamburg : Felix Meiner, 1987. S. 57–88.

Klippel D. Ideen zur Revision des Naturrechts: Die Diskussion zur Neubegründung des deutschen Naturrechts um 1780 // Jahrbuch für Recht und Ethik. Berlin : Duncker & Humblot, 2000. Bd. 8. S. 73–90.

Klippel D. Das deutsche Naturrecht am Ende des 18. Jahrhunderts // Das Naturrecht der Geselligkeit: Anthropologie, Recht und Politik im 18. Jahrhundert / hrsg. von V. Fiorillo, F. Grunert. Berlin : Duncker & Humblot, 2009. S. 301–326.

Kant, I., 2024. Naturrecht Feyerabend. In: I. Kant, 2024. Naturrecht Feyerabend. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog, pp. 1-89.

Klein, E. F., 1789. Schreiben an Herrn Professor Garve über die Zwangs- und Gewissens-Pflichten und den wesentlichen Unterschied des Wohlwollens und der Gerechtigkeit besonders bey der Regierung der Staaten. Berlin & Stettin: Nicolai.

Klein, E. F., 1790. Freyheit und Eigenthum, abgehandelt in acht Gesprächen über der Beschlüsse der Französischen Nationalversammlung. Berlin & Stettin: Nicolai.

Klein, E. F., 1797a. Grundsätze der natürlichen Rechtswissenschaften nebst einer Geschichte derselben. Halle: Hemmerde & Schwetschke.

Klein, E. F., 1797b. Ueber den Grund der geselligen Pflichten. In: E. F. Klein, 1797. Kurze Aufsätze über verschiedene Gegenstände. Halle: Waisenhaus Buchhandlung, pp. 168-192.

Klein, E. F., 1922. Brief an I. Kant vom 23. April 1789. In: Kant's gesammelte Schriften. Bd. 11. Berlin: De Gruyter, p. 30.

Kleingeld, P., 2020. Editor's Introduction. In: G. Achenwall, 2020b. Prolegomena to Natural Law. Groningen: University of Groningen Press, pp. VII-XXII.

Klippel, D., 1987. Politische Theorien im Deutschland des 18. Jahrhunderts. Aufklärung, Band 2. Hamburg: Felix Meiner, pp. 57-88.

Klippel, D., 2000. Ideen zur Revision des Naturrechts: Die Diskussion zur Neubegründung des deutschen Naturrechts um 1780. Jahrbuch für Recht und Ethik. Volume 8, pp. 73-90.

Klippel, D., 2009. Das deutsche Naturrecht am Ende des 18. Jahrhunderts. In: V. Fiorillo and F. Grunert, eds. 2009. Das Naturrecht der Geselligkeit: Anthropologie, Recht und Politik im 18. Jahrhundert. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 301-326.

Krouglov, A. N., 2025. Kant and Hegel: Natural Law or Philosophy of Right? *Philosophy Journal*, 18(3), pp. 40-56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>. (In Rus.)

Kryshtop, L. E., 2016. Kant's Lectures on Natural Law: Justice and Conscientiousness. *Kantian Journal*, 35(4), pp. 63-72. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-5> (In Rus.)

Kryshtop, L. E., 2024. Principles of Adjudication (diudicatio) and Execution (executio) in Kant's Practical Philosophy (Based on Feyerabend's *Natural Right* and Lectures on Ethics). *Kantian Journal*, 43(4), pp. 99-124. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-4>. (In Rus.)

Moggach D. Freedom and Perfection: German Debates on the State in the Eighteenth Century // *Canadian Journal of Political Science*. 2009. Vol. 42, № 4. P. 1003–1023.

Pietsch L. -H. Topik der Kritik. Die Auseinandersetzung um die Kantische Philosophie (1781–1788) und ihre Metaphern. Berlin : De Gruyter, 2012.

Schmalz Th. Das reine Naturrecht. Königsberg : Nicolovius, 1792.

Schröpfer H. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt : frommann-holzboog, 2003.

Schütz Chr. G. Brief an I. Kant vom 13. November 1785 // *Kant's gesammelte Schriften*. Berlin : De Gruyter, 1922a. Bd. 10. S. 422.

Schütz Chr. G. Brief an I. Kant vom 20. September 1785 // *Kant's gesammelte Schriften*. Berlin : De Gruyter, 1922b. Bd. 10. S. 408.

Stiening G. Gott und der gerechte Krieg. Kants kritische Auseinandersetzung mit Achenwalls *Ius naturae* // Auf dem Weg zur kritischen Rechtslehre? Naturrecht, Moralphilosophie und Eigentumstheorie in Kants "Naturrecht Feyerabend" / hrsg. von D. Hüning, S. Klingner, G. Sadun Bordoni. Leiden : Brill, 2021. Vol. 4. S. 19–48.

Wood A. The Final Form of Kant's Practical Philosophy // *Kant's Metaphysics of Morals : Interpretative Essays* / ed. by M. Timmons. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 1–22.

Об авторе

Полина Вячеславовна **Стуковнина**, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: polina11082003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8934-7549>

Для цитирования:

Стуковнина П. В. Дискуссия о проблеме принуждения: Г. Гуфеланд и И. Кант // *Кантовский сборник*. 2026. Т. 45, № 2. С. 44–67.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-2-3>

© Стуковнина П. В., 2026.

Moggach, D., 2009. Freedom and Perfection: German Debates on the State in the Eighteenth Century. *Canadian Journal of Political Science*, 42(4), pp. 1003-1023.

Pietsch, L. -H., 2012. Topik der Kritik. Die Auseinandersetzung um die Kantische Philosophie (1781–1788) und ihre Metaphern. Berlin: de Gruyter.

Schmalz, T., 1792. Das reine Naturrecht. Königsberg: Nicolovius.

Schröpfer, H., 2003. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog.

Schütz, Chr. G., 1922a. Brief an I. Kant vom 13. November 1785. In: *Kant's gesammelte Schriften*. Volume 10. Berlin: De Gruyter, p. 422.

Schütz, C. G., 1922b. Brief an I. Kant vom 20. September 1785. In: *Kant's gesammelte Schriften*. Volume 10. Berlin: De Gruyter, p. 408.

Stiening, G., 2021. Gott und der gerechte Krieg. Kants kritische Auseinandersetzung mit Achenwalls *Ius naturae*. In: D. Hüning, S. Klingner and G. Sadun Bordoni, eds. 2021. *Auf dem Weg zur kritischen Rechtslehre? Naturrecht, Moralphilosophie und Eigentumstheorie in Kants «Naturrecht Feyerabend»*. Volume 4. Leiden: Brill, pp. 19-48.

Wood, A., 2002. The Final Form of Kant's Practical Philosophy. In: M. Timmons, ed. 2002. *Kant's Metaphysics of Morals: Interpretative Essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1-22.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Polina V. Stukovkina, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: polina11082003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8934-7549>

To cite this article:

Stukovkina, P. V., 2026. Discussion on the Problem of Coercion: Gottlieb Hufeland and Immanuel Kant. *Kantian Journal*, 45(2), pp. 44-67.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-2-3>

© Stukovkina P. V., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))